

Секция «Национальная внешняя политика в меняющейся международной среде»

«Мягкая сила» как один из элементов геостратегии России на постсоветском пространстве

Научный руководитель – Коробкина Ирина Александровна

Игонина Екатерина Александровна

Студент (магистр)

Северо-Кавказский федеральный университет, Факультет истории, философии и искусств, Кафедра археологии и всеобщей истории, Ставрополь, Россия

E-mail: igoninaek@gmail.com

Несмотря на широкое распространение концепции «мягкой силы», многие исследователи и практические политики, весьма критично относятся как к самой концепции, так и к точке зрения ее создателя Джозефа Ная.

«Мягкая сила» в последнее время становится все более актуальной и в отечественной науке, потому что впервые в 2013 г. была внесена в концепцию внешней политики России. В ходе этого возникла проблема трансляции именно российской «мягкой силы». Поэтому прежде чем обозначить роль влияния «мягкой силы» на взаимоотношения России со странами, расположенными на территории бывшего СССР, следует, с одной стороны, понять, насколько то, что мы подразумеваем под российской «мягкой силой», соответствует хрестоматийному определению Дж. Ная; с другой стороны, если мы исходим из того, что соответствия есть, могут ли они быть эффективно использованы в отношении стран постсоветского пространства.

У российской «мягкой силы» существуют свои отличия от классического представления Джозефа Ная. По мнению американского политолога «мягкая сила» - это возможность добиваться целей во внешней политике, используя привлекательность своей страны, которая, в свою очередь, основывается на притяжении культуры (как высокой, так и массовой), политических идеалов и ценностей, а также на легитимных в глазах других государств действиях во внешней политике [6].

Применяя эту триаду к современной России, мы можем отметить отсутствие в ней, по крайней мере, одного элемента - транслируемых вовне ценностей и идеалов, так как Российская Федерация, сразу после распада СССР заявляла о своей приверженности ценностям демократии, свободы, рыночной экономики, то есть тем ценностям, которые ассоциируются, прежде всего, с Западом.

Второе ограничение - специфика политических режимов, которые установились в части постсоветских государств. Дело в том, что классические концепции «мягкой силы» предполагают, прежде всего, воздействие на гражданское общество, на общественное мнение той или иной страны, на работу с различными группами среди политических, интеллектуальных и деловых элит. Но существуют ситуации, когда гражданское общество крайне слабо, а парламент играет малую роль при сильной президентской власти, и в таких странах нет ничего похожего на западную public policy [7].

И существует третий очень важный момент - специфика взаимоотношений России с постсоветскими государствами, так как она определяется, прежде всего, общим историческим прошлым, а главное - тем фактом, что РСФСР воспринималась до 1991 г. как ядро советской «империи». Таким образом, создается некая напряженность между странами бывшего Советского Союза и собственно Россией, вследствие чего постимперская ситуация содержит в себе немало сложностей для реализации «мягкой силы».

Потенциал у российской «мягкой силы» все же есть, правда, он распределен по постсоветским государствам весьма неоднородно [2]. Иначе говоря, в странах Балтии он явно

невысок, зато в центральноазиатских государствах достигает своего пика.

Проблема, однако, состоит в том, что российская «мягкая сила» основана почти целиком на ресурсе прошлого, а не на достижениях настоящего: широкое распространение русского языка в регионе, уважительное отношение к русской культуре, привычка населения ориентироваться на Россию как на бывшую «метрополию» в своих миграционных и образовательных стратегиях - все эти факторы, создающие потенциал российской «мягкой силы» сегодня, родом из советской эпохи, а значит, они имеют инерционный, остаточный характер.

Необходимо отметить, что проблема российской мягкой силы изучается за рубежом довольно пристально. Над ней работают видные ученые и целые организации. На Западе выходит существенно больше работ, посвященных этой проблематике, чем в самой России [1].

Используя ряд критериев - культуру, СМИ, русский язык и религию - следует обобщить все то, что можно считать мягкой силой России, если исходить из того, что она все таки существует [1].

Итак, можно констатировать, что наряду с традиционной силой у России располагает обширными источниками мягкой силы. Однако в связи с тем, что ее политика ориентирована в большей степени на соотечественников за рубежом, мы не можем говорить о наличии у России мягкой силе в ее классическом понимании.

Источники и литература

- 1) Барановски Ж. Мягкая сила России: взгляд извне / Мягкая сила в глобальной политике. Часть II. Региональное и функциональное измерения // Вестник РУДН, серия Политология, 2013, № 2. [Электронный ресурс] / URL: file:///C:/Users/igon1/Downloads/8948-8412-1-PB.pdf (дата обращения 17.02.2020)
- 2) Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы». - Полис. Политические исследования. 2008. № 2.
- 3) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] / URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 17.02.2020)
- 4) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] / URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 17.02.2020)
- 5) План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 года [Электронный ресурс] / URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/102086
- 6) Nye J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Mar., 2008.
- 7) Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004).